

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 395.3
doi: 10.17223/15617793/481/12

Родовая организация ранних номадов и проблема ее выявления

Евгений Викторович Вдовченков¹

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, evvdovchenkov@sfedu.ru

Аннотация. Разбираются данные Геродота, Лукиана, Николая Дамасского, Валерия Флакка и археологическая информация, способные пролить свет на специфику систем родства у скифов и сарматов. Показано, что использование понятий «род», «родовой», «родоплеменной» в отношении ранних номадов является скорее данью историографической традиции, чем итогом источниковедческого разбора.

Ключевые слова: родовая организация, скифы, сарматы, генеалогический и латеральные счета родства

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-28-02000 «Комплексное историко-культурное и молекулярно-генетическое исследование древнего населения Нижнего Подонья в сарматское время».

Для цитирования: Вдовченков Е.В. Родовая организация ранних номадов и проблема ее выявления // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 97–103. doi: 10.17223/15617793/481/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/12

Early nomads' clan organization and the problem of its identification

Evgeny V. Vdovichenkov¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, evvdovchenkov@sfedu.ru

Abstract. The aim of the article is to determine the peculiarities of the generic organization of the early nomads – Scythians and Sarmatians. The article examines the data of Herodotus, Lucian, Nicholas of Damascus, Valerius Flaccus, and archaeological information that can shed light on the specifics of the kinship systems of Scythians and Sarmatians. In favor of the existence of a generic organization among the early nomads, one can interpret Herodotus' message about the Scythian ethnogenic tradition, which elevated all Scythians to one ancestor, Targitaos, and his sons – Lipoxais, Arpoxais, and Kolaxais. The principle of genealogical kinship in this interpretation extended to the entire Scythian association. Meanwhile, there are reports from sources that may testify in favor of the existence of a sex-and-age division of the Sarmatian society. Nicholas of Damascus reports that Scythians jointly own property and women, so that the eldest of them are considered fathers, the youngest sons, and peers brothers. Nicholas of Damascus is believed to follow the tradition of the Ephor idealization of Scythians, like Pseudo-Scymnus. But these reports about the just Scythians may contain specific ethnographic details. This information can be interpreted as a direct evidence of the age classes of Scythians. The inherited status can be traced by archaeological data, which allows archaeology to be involved in solving these problems. A source such as tamga signs is fundamentally important for the analysis of the generic organization. The generally accepted view is that tamgas are signs of belonging to a family and a clan. The clan requires special attention due to the contradictions between the scientific tradition, the data of sources and modern anthropological theory. The idea of the clan as a universal institution at the early stages of the development of human society has been convincingly refuted. Kinship is a single structure-forming principle of social systems operating at the early stages of society's development, but it implies different institutions and practices. Social organisation of the Turkic- and Mongolian-speaking nomads of the Eurasian steppes cannot be automatically transferred to the social organisation of the early nomads, mainly Iranian-speaking. Moreover, we cannot say that the early nomads necessarily had a genealogical principle of origin. According to V.A. Popov and N.M. Girenko, the clan appears in the late stages of primitiveness. The genealogical (linear) principle of kinship counting replaced the group (lateral) one. In lateral systems, continuity was carried out from group to group, and, in linear systems, individual continuity dominates. The article shows that the use of the concepts “clan”, “generic”, “tribal” in relation to the early nomads is more a tribute to the historiographical tradition than the result of a source analysis. The concepts of γένος ~ gens of ancient authors may hide not only the generic organization, but also other social and political institutions.

Keywords: ancestral organization, Scythians, Sarmatians, genealogical and lateral accounts of kinship

Financial support: The study was carried out at the Southern Federal University and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-02000: Comprehensive historical, cultural and molecular genetic study of the ancient population of the Lower Don region in the Sarmatian period.

For citation: Vdovichenkov, E.V. (2022) Early nomads' clan organization and the problem of its identification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 97–103. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/12

Такой институт, как род, требует особого внимания в связи с противоречиями между научной традицией, данными источников и современной антропологической теорией.

Для описания объединений кочевников античные авторы использовали термины *ἔθνος*, *γένος* (др.-греч.) и *natio*, *gens* (лат.), по-русски обычно переводимыми как народ (*ἔθνος* ~ *natio*) и род (*γένος* ~ *gens*). Также используется при переводе понятие племя. Термин *gens* довольно широко использовался античными авторами. Например, Плиний Старший использует *gens*: «...к северу от Истра, вообще говоря, все племена считаются скифские (*omnes Scytharum sunt gentes*)» (Plin. S. Nat. Hist. IV, 80) [1. С. 171]. Помпоний Мела сообщает: «Его (Танаиса) берегами и их окрестностями владеют савроматы – одно племя, [но состоящее] из нескольких народностей с разными названиями (*una gens aliquot populi et aliquot nomina*)» (Pomp. Mela I. 116) [2. С. 80–81]. Но неопределенность терминологии с одной стороны, и прямой перевод, с другой, способствовали тому, что исследователи свободно применяют понятия «родоплеменная структура», «родовая организация» в отношении ранних кочевников в современной литературе. Наличие у скифов и сарматов родовой организации утверждают практически все исследователи [3. С. 104–110].

Важность и неизбежность понятия «род» для отечественной науки определяются тем, что по Л. Моргану и Ф. Энгельсу вся первобытная история строится вокруг основной для этого научного направления проблемы – возникновение и эволюция рода, родовой организации. Но представления о роде как универсальном институте на ранних этапах развития человеческого общества убедительно опровергнуто (см. обзор [4], а также ее статью и книгу [5, 6]).

Но и сейчас целый ряд исследователей, чьи научные интересы далеки от социальной и политической антропологии, продолжают ориентироваться на устаревшие теоретические модели советской версии марксизма, постулирующие существование в первобытности «родового строя», который отождествляется с первичной формацией и разлагается при переходе к классовому обществу.

Между тем неадекватность этой схемы, восходящей к работам Ф. Энгельса [7], историческому и этнографическому материалу, стала очевидной для многих ещё во второй половине XX в. [6, 8], и в настоящее время признаётся даже марксистскими исследователями первобытности [9. С. 52–53]. Отдельно следует сказать о понятии «родоплеменной», активно используемом в отношении кочевников. По умолчанию предполагается существование племен, состоящих из родов. Источник этого постулата в значительной степени

происходит из марксистской догматики. Вот как об этом пишет В.А. Попов: «...значительная часть этнографов не столько изучала конкретные институты первобытных обществ, сколько занималась откровенной подгонкой материала под парадигму Моргана – Энгельса, т.е. искали племена, родовую организацию, матриархат, патронимию, брачные классы, возрастные классы, дуальную организацию и прочие конструкции и, как правило, находили» [10. С. 14]. Племя и род как базовые формы социальной организации доклассовых обществ воспринимаются по умолчанию и сейчас. Понятие «родоплеменной» стало, таким образом, определённым клише, с очень размытым содержанием.

Родство – единый структурообразующий принцип социальных систем, действующий на ранних стадиях развития общества – впервые это обосновал Морган [5. С. 897]. Но родство подразумевает разные институты и практики. А.М. Хазанов указывает, что перманентная нестабильность экономики кочевников приводит к формированию текучей социальной организации, способной к перестройке, и наиболее подходящим для этого принципом является происхождение и отношения родства [11. С. 243]. Сам принцип происхождения у кочевников проявляется как в генеалогиях, так и в представлениях об общности происхождения, и оба эти его проявления не обязательно совпадают одно с другим [11. С. 245]. Генеалогия может появиться не только как результат реального родства, но и как результат потребности в объединении. Генеалогический принцип очень важен для кочевников, поскольку он имеет полифункциональное назначение. Социальная организация кочевников приобретает необходимую гибкость, способность к сужению или расширению, приспособления к новым условиям, но с сохранением структурообразующих элементов общества. У кочевников генеалогии идеологически обеспечивают легкую инкорпорацию чужих групп в их общество [11. С. 246–247]. И довольно типично, что у тюркоязычных кочевников евразийских степей количество вертикальных сегментов генеалогического ряда не всегда было постоянным [11. С. 247].

Различными исследователями неоднократно отмечалось наличие у кочевников развитой родовой организации. В основе этой структуры находится род. С.М. Абрамзон называет этот институт генеалогическим родом [12], Е. Бэкон – «обок» [13], а Л. Крэдер использует понятие «генеалогический клан» [14. Р. 10]. Но то, что мы видим у тюрко- и монгольских кочевников евразийских степей, не может автоматически переноситься на социальную организацию ранних кочевников, преимущественно ираноязычных. Более того, мы не можем утверждать, что у ранних кочевников

обязательно присутствовал генеалогический принцип происхождения. Письменные источники содержат только косвенные указания на родовую организацию ранних кочевников.

Поднимая вопрос о существовании родовой организации у скифов, А.М. Хазанов написал, что «трудно думать, что социальная структура скифов, в основном совпадающая с той, которая рисуется по данным этнографии для остальных кочевников (ср. легенду о Таргитае и его сыновьях), применительно к роду обладателя принципиальными отличиями» [3. С. 106]. Но использование этнографического материала нового времени для ранних кочевников имеет свои ограничения. Если хозяйственно-культурный тип в целом не очень изменился (с учетом климатических колебаний и технических инноваций) и связанные с ним нестабильность и тесная связь кочевников и их политической организации с оседлым миром, то такие феномены, как социальная организация и система родства не могут экстраполироваться на ранние общества, а являются только аналогиями. Ведь у нас в распоряжении материалы иных этнокультурных групп – тюркоязычных и монголоязычных, как правило, а не ираноязычных кочевников. Помимо этого, за 2 500–2 000 лет произошли сильные изменения, которые нам трудно осмыслить в связи с недостатком источников.

В.А. Попов выделяет отличительные черты рода – унилинейность, экзогамию, корпоративность, локальность [10]. Из этих признаков наши источники дают нам информацию в какой-то мере об унилинейности, что касается локальности и корпоративности, то они характерны для довольно широкого круга социальных явлений.

Согласно В.А. Попову и Н.М. Гиренко, род появляется на поздних этапах первобытности. Генеалогический (линейный) принцип счета родства пришел на смену групповому (латеральному), что находится в корреляции с качественными различиями между историческими стадиями (типами) систем родства – первичной (классификаторской, групповой) и вторичной (линейно-степенной, вертикальной, описательной) [10. С. 232; 15]. В латеральных системах преемственность осуществлялась от группы к группе, а в линейных системах доминирует индивидуальная преемственность. Род же, как унилинейный социальный институт, или генеалогический коллектив кровных родственников, происходит от одного реального (или мифического) предка. Вокруг проблемы универсальности возрастных групп и латерального счета родства развернулась дискуссия, инициированная Н.М. Гиренко и В.А. Поповым (см., например, [16–18]).

Предположение, что возрастная организация и система латерального счета родства исторически предшествуют генеалогической организации и роду, а также линейному счету родства, мне представляется заслуживающего внимания.

Отдельно стоит упомянуть позицию С.В. Кулланды, который не только говорит о половозрастном делении скифского общества. Он утверждает, что скифские сословия (или как он их ещё именуется, варны) генетически связаны с половозрастным делением:

«старшая возрастная группа эволюционирует в сословие жрецов, средняя – производителей материальных благ, младшая – воинов» [19. С. 329; 20]. Я не берусь оценить здесь исследование С.В. Кулланды, тем более сделанное на лингвистическом материале, но его работы по изучению половозрастных групп хорошо известны. Его точка зрения не поддержана иранистами и археологами, но заслуживает внимания и обсуждения – хотя бы из общих соображений, приведенных в данном исследовании, о значительной роли половозрастной организации в жизни архаических обществ.

Институт половозрастных групп является самой ранней формой социальной стратификации и выступает главным структурообразующим элементом всех древних и традиционных коллективов. В силу ограниченности кочевнического способа производства есть предел социальному развитию кочевников. В силу этого половозрастное деление обычно сохраняется у кочевников древности.

В пользу существования родовой организации у ранних кочевников можно интерпретировать сообщение Геродота о скифском этногонимическом предании, возводившее всех скифов к одному первопредку – Таргитаю, и его сыновьям – Липоксаю, Арпаксаю и Колаксаю, из которых младший становится первым царем и предком всех скифов (Herod. IV. 5-6) [10. С. 248; 21. С. 188]. Происхождение различных неравноправных подразделений скифского общества связывалось с различными сыновьями героя-первопредка. Принцип генеалогического родства в такой трактовке распространялся на все скифское объединение [3. С. 106]. Лукиан (Scyth., 1, 3) [22. С. 543] сообщает о существовании царского рода, знатнейших родов, «колпаконосцев» у рассматриваемых им скифов.

В отношении скифов и сарматов источники не дают сколько-нибудь четкой картины. В нескольких сообщениях античных авторов о скифах и сарматах фигурирует абстрактный круг родственников, которые участвуют в подготовке и проведении похорон умершего скифа (Herod. Hist. IV, 26) [21] и выступают совместно в поход в целях осуществления мести за обиду, нанесенную сородичу (Luc. Tox. 48) [22. С. 557].

А.М. Хазанов в своей известной статье анализирует матрилинейность сарматов [23], но в фокусе его внимания – положение женщин, а не родовая организация, в пользу существования которой у сарматов и сарматов у нас есть преимущественно косвенные данные.

Между тем есть сообщения источников, которые могут свидетельствовать в пользу существования половозрастного членения сарматского общества. Николай Дамасский сообщает о скифах следующее: «Млекоеды, скифский народ... Они также справедливейшие, владея совместно и имуществом, и женщинами, так что старших из них считают отцами, младших – сыновьями, а того же возраста – братьями» (Nic. Damsc. Paradox., 144) [24. С. 35; пер. А.И. Иванчика]. С этим сообщением обычно соотносят данные Эфора: «Далее [Эфор] объясняет, что, будучи скромными по образу жизни и не стяжателями, они живут в добром согласии друг с другом, имея общим все и даже жен,

детей и всех родственников» (Strabo VII, 3, 9. Пер. А.В. Подосинова)¹. Считается, что Николай Дамаский следует традиции Эфора идеализации скифов, так же, как и Псевдо-Скимн: «За Пантикапой находится народ 'Озерных' и многие другие, имена которых неизвестны, но прозываемые номадами, весьма благочестивые, из которых ни один не причинит несправедливости одушевленному; они, как он (Эфор) говорит, переносят свои жилища и питаются молоком и скифскими лошадиными надоями; живут же так, что у них все общее – и все имущество, и вся семья» (Ps.-Sc. 851-857) [24. С. 36; пер. А.И. Иванчика].

В этих сообщениях речь идет об изобретенном Эфором идеальном народе, живущем среди дикарей [24. С. 35, 49], или же реальных обычаях, интерпретированных Эфором и его последователями, и иными античными авторами – вопрос открытый. Это свидетельство трудно прокомментировать, поскольку вопрос об источниках данного места у Николая Дамаского очень сложен. Предполагать здесь идеализацию скифов как образца справедливого общества вслед за Эфором можно, однако эту информацию можно трактовать и как прямое свидетельство именно о возрастных степенях у скифов. Идея об общих женах, детях и всех родственниках у Эфора (согласно Страбону) строго говоря, не равнозначна пассажу Николая Дамаского, особенно выражению «а того же возраста – братьями». Имея многочисленные примеры в этнографии половозрастной организации и возрастных классов (постановка проблемы – [25]), мы можем ставить вопрос не только об изобретенном народе, но, как часто это бывает с античными авторами, с их интерпретацией реальных традиций народов Ойкумена.

Примечательно упоминание языгов Валерием Флакком: «Разноцветная Иберия излила вооружённые копьями отряды, которые ведут... не знающие убеждённого седиными возраста язиги. Ибо когда уже изменяют прежние силы, знакомый лук отказывается служить и копьё презирает стремления своего хозяина, у мужественных предков создан обычай не медлительно претерпевать смертную участь, но погибать от руки дорогого потомства вручённым ему мечом; прерывают замедление и сын, и отец, единодушные оба и вызывающие сожаление своими мужественными поступками» (Val. Flac. Argonaut. VI, 120-129) [26. С. 210]. Здесь мы видим обычай убийства соплеменников по достижении определенного возраста. При всей дискуссионности информации Валерия Флакка как исторического источника в основе его сообщения лежат этнографические реалии, послужившие ему материалом для его поэмы. Сообщение о языгах показывает традицию возрастного деления у номадов.

Моя цель в этой статье – показать слабость аргументов сторонников родовой организации у ранних номадов, и при этом отсутствие системных представлений для альтернативной точки зрения. Но она есть, и мимо этого обстоятельства пойти нельзя. Если исходить из того, что родовая организация не имманентно присуща древним обществам, то тогда встает вопрос о том, когда же она возникла, когда установилась в обществах евразийских степей – в эпоху бронзы или ран-

него железного века? На этот вопрос пока нет ответа. Мы можем только предполагать: о негенеалогическом принципе родства у номадов могут говорить свидетельства о существовании возрастных групп и молодых объединений [27, 28].

Несмотря на существование уравнивающих факторов в обществе кочевников (нет очень бедных номадов, поскольку для кочевания предполагается определенный минимум скота и благосостояния, но экстенсивное кочевое скотоводство ставит предел и богатству, поскольку не позволяет скопить его большое количество), оно с самого начала своего существования делилось на страты по богатству и власти, и как минимум у верхушки можно предполагать генеалогические системы.

Часто исследователи называют небольшие курганные могильники клановыми или родовыми. По археологическим данным, преобладание небольших могильников у скифов и сарматов говорит скорее о семейных некрополях, а не родовых.

Археологические данные трактовать в пользу наличия/отсутствия родовой организации очень сложно. А.М. Хазанов обратил внимание на группу курганов прохоровского времени в урочище «Горбатый мост» у пос. Нежинского, сосредоточенной вокруг женского подкурганного погребения VI в. до н.э. (по А.М. Хазанову – «жрицы»). По его мнению, это была родственная группа, хоронившая своих членов в урочище, которая продолжала рассматривать погребенную ранее женщину как своего предка, реального или легендарного [23. С. 143]. Не говоря уже о крайне спорной атрибуции погребения как жреческого, связь между населением через двести лет является здесь трудно доказуемой.

Наличие наследуемой власти говорит о генеалогии как принципе. Вообще исторически генеалогический принцип родства раньше проявился у элиты, а наследуемый статус может быть прослежен по археологическим данным. В раннем железном веке на смену ранжированному обществу приходит стратифицированное [29]. Выраженная стратификация общества, формирование сословных структур прослеживаются в наличии аристократического стратума. Археологическими маркерами высокого статуса выступают оружие, богатый набор инвентаря, престижные предметы, костюм, погребальный обряд, трудозатраты при его сооружении. О тенденциях формирования сословности свидетельствует также пространственная организация погребений (отдельные могильники или участки).

Принципиально важным для анализа родовой организации является такой источник, как тамги. Общепринятой является точка зрения, что тамги являются знаками принадлежности к семье и роду. Нам неизвестно появление тамг в европейских степях ранее рубежа III–II вв. до н.э. [30. С. 308, рис. 14], но массово они распространяются только на рубеже эр, в ходе масштабных изменений в кочевых обществах, связанных с появлением среднесарматской культуры. Однако, по всей видимости, тамги не охватывали всех номадов степи. Они, конечно, были чужой традицией

для языгов Среднего Дуная, и это понятно – языги по происхождению связаны с раннесарматской культурой, в которой тамги не были распространены, и сохранили своим раннесарматские традиции (например, элементы погребального обряда) и после миграции в Подунавье. Но и среди погребений средне- и позднесарматской культур тамги отнюдь не повсеместное явление, и это вряд ли можно объяснить только тем, что они были на предметах из органики. Мы имеем тысячи погребений, но количество тамг и погребений с тамгами на порядок ниже. Возможно, что тамги были аристократическим феноменом или же связаны с какими-то группами кочевников, но не обязательно элитными.

Чрезвычайно интересным является вопрос о том, почему такое удобное средство идентификации и маркирования собственности, каким были тамги, не появилось раньше. И это не просто риторический вопрос. В наших археологических материалах тамги – самый очевидный маркер наследования, который существует в погребальных комплексах степной зоны. Многочисленные этнографические параллели в степной зоне, Сибири и на Кавказе позволяют прояснить значение и функционирование тамг. Что если социальная структура обществ зоны евразийских степей эпохи бронзы и I тыс. до н.э. не способствовала появлению тамг? Мы видим развитие иерархических структур, особенно в скифскую эпоху и далее, но мы видим это на примере царских родов. Родовая организация и линейный принцип родства должен был развиваться, очевидно, в господствующих группах. Но справедливо ли это в отношении других групп населения – вопрос открытый. Наличие латеральной системы родства делало тамги не актуальными, поскольку система родства выстраивалась по другому принципу. Здесь стоит вспомнить легенду Геродота о киммерийцах (Herod. IV. 11; 21): «С приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать пред лицом многочисленного вражеского войска. И вот на совете мнения разделились. Хотя обе стороны упорно стояли на своем, но победило предложение царей. Народ был за отступление, полагая ненужным сражаться с таким множеством врагов. Цари же, напротив, считали необходимым упорно защищать

родную землю от захватчиков». Данное сообщение детально исследовали специалисты, при этом они обращали внимание на разные его аспекты: анализ скифского завоевания, политической организации, культуры ранних кочевников, разного этоса двух групп. Д.С. Раевский, анализируя этот сюжет, указал на явные эпические черты, возможно, фрагмент киммерийского эпоса, донесенного до Геродота скифской традицией [31. С. 51, 53, сн. 15]. Но за этим скрывается и еще один аспект – социальное, а не только политическое различие между царями и народом.

В настоящий момент я могу только поставить эту проблему. Проблема социальной организации обществ ранних кочевников требует большого и обстоятельного исследования, в котором решающую роль могут сыграть новые методы, особенно палеогенетические исследования. Известна традиция семейных, как предполагают, курганов-кладбищ у ранних кочевников. В раннесарматских курганах часто вокруг центрального погребения в кургане размещались по кругу (иногда в линию) несколько сарматских погребений, которые интерпретируют как родовые и семейные [32]. Но для того, чтобы уверенно говорить о том, что мы имеем семейную структуру в одном кургане, необходима генетическая экспертиза костных останков. На настоящий момент уже предприняты шаги в этом направлении (например, публикации по генетике хунну: [33]). Исследования ДНК костных останков сарматских погребений уже проводятся, но по реконструкции семейных и родовых отношений данных еще недостаточно [34]. Эти работы позволяют пролить свет на систему родства у кочевников. Очень интересно сопоставление данных генетики по костным останкам погребений сарматской культуры с одинаковыми тамгами.

Подводя итог, следует указать на отсутствие конкретных данных о родовой организации скифов и сарматов. Использование понятий «род», «родовой», «родоплеменной» в отношении сарматского общества является скорее данью историографической традиции, чем итогом источниковедческого разбора. За понятиями γένος ~ gens античных авторов могут скрываться не только родовая организация, но и иные социальные и политические институты.

Примечания

¹ Выражаю искреннюю признательность А.В. Подосинову за предоставленный текст Страбона, переведенный в рамках готовящейся публикации: «География» Страбона как источник по истории Восточной Европы / под ред. Л.И. Грацианской, А.В. Подосинова.

Список источников

1. Плиний Старший // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Латинские писатели. Т. II, вып. 2. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1904. С. 167–200.
2. Помпоний Мела. Хорография / под общ. ред. А.В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 509 с.
3. Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975. 344 с.
4. Артёмова О.Ю. В очередной раз о теории «родового быта» и об «австралийской контроверзе» // Ранние формы социальной организации. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 25–50.
5. Артёмова О.Ю. Род // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 896–897.
6. Артёмова О.Ю. Колена Исава: охотники, собиратели, рыболовы (Опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009. 559 с.
7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1989. 222 с.
8. Коротчаев А.В., Оболонков А.А. Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ // Советская этнография. 1989. № 2. С. 36–45.

9. Семёнов Ю.И. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития. Ч. I // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 52–70.
10. Попов В.А. Концепты «род» и «родовая организация»: опыт переосмысления дефиниций // Сибирские исторические исследования. 2020. № 3. С. 230–242.
11. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
12. Абрамзон С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. М., 1951. С. 132–156.
13. Bacon E.E. *Obok: a study of social structure in Eurasia* // Viking fund publications in anthropology. N.Y., 1958. № 25. 235 p.
14. Krader L. *Social Organisation of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague : Mouton & Co, 1963. 412 S.
15. Гиренко Н.М. От истории событий к истории структур // Мисюгин В.М. Три брата. СПб. : Наука, 2009. С. 20–33.
16. Коротаяев А.В. О соотношении систем терминов родства и типов социальных систем: опыт количественного кросс-культурного анализа (к дискуссии между Н.М. Гиренко и О.Ю. Артемовой) // Алгебра родства. СПб., 1999. Вып. 3. С. 117–147.
17. Артемова О.Ю. Лукавство или самообман? (О «латеральности» счета родства и о некоторых историко-социологических реконструкциях) // Алгебра родства. СПб., 1999. Вып. 3. С. 21–81.
18. Гиренко Н.М. Латеральность и линейность как дифференцирующие признаки социального организма родства // Алгебра родства. СПб., 1999. Вып. 3. С. 5–20.
19. Кулланда С.В. Скифские варны // Археологические вести. 2014. Вып. 20. С. 318–331.
20. Кулланда С.В. Происхождение варн. М., 2018. 152 с.
21. Геродот. История в девяти книгах / пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Л. : Наука, 1972.
22. Лукиан Самосатский // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Греческие писатели. Т. I, вып. 1. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. С. 539–563.
23. Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. № 2. С. 138–148.
24. Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Берлин ; Москва : Палеограф, 2005. 312 с.
25. Попов В.А. Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества (к постановке проблемы) // Советская этнография. 1981. № 6. С. 89–97.
26. Валерий Флакк // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Латинские писатели. Т. II, вып. 2. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1904. С. 201–214.
27. Вдовченков Е.В. Проблема существования мужских союзов у сарматов // Ранние формы постстарных систем / ред. В.А. Попов. СПб., 2013. С. 182–201.
28. Вдовченков Е.В. Эгалитарные и иерархические общества ранних номадов степной зоны Евразии и конгруэнтные типы военной организации // Новое прошлое/The new past. 2019. № 4. С. 8–26.
29. Медведев А.П. Развитие иерархических структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века юга Восточной Европы (опыт диахронного историко-археологического анализа) // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М. : Ин-т Африки РАН, 2002. С. 98–111.
30. Синика В., Тельнов Н. Миски из скифских погребальных памятников конца IV–II в. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра // *Tyragetia*, s.n. 2014. Vol. VIII (XXIII), № 1. С. 287–316.
31. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М. : Наука, 1985. 256 с.
32. Мордвинцева В.И. К проблеме семейно-родовых отношений у сарматов (по материалам сарматских погребений последних веков до нашей эры) // Вопросы краеведения : материалы краеведческих чтений. Вып. 2. Волгоград, 1993. С. 31–34.
33. Keyser C., Zvěniġorosky V., Gonzalez A. et al. Genetic evidence suggests a sense of family, parity and conquest in the Xiongnu Iron Age nomads of Mongolia // *Hum Genet.* 2021. P. 140, 349–359.
34. Пилипенко А.С., Черданцев С.В., Трапезов Р.О., Томилин М.А., Балабанова М.А., Пристяжнюк М.С., Журавлев А.А. К вопросу о генетическом составе сарматского населения Нижнего Поволжья (данные палеогенетики) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 4. С. 17–50.

References

1. Latyshev, V.V. (1904) *Izvestiya drevnikh pisateley grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. Latinskie pisateli* [News of Ancient Greek and Latin Writers about Scythia and the Caucasus. Latin writers]. Vol. 2-2. Saint Petersburg: IAS. pp. 167–200.
2. Podosinov, A.V. (ed.) (2017) *Pomponiy Mela. Khorografiya* [Pomponius Mela. Chorography]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
3. Khazanov, A.M. (1975) *Sotsial'naya istoriya skifov. Osnovnyye problemy razvitiya drevnikh kochevnikov evraziyskikh stepey* [Social History of the Scythians. The main problems of the development of the ancient nomads of the Eurasian steppes]. Moscow: Nauka.
4. Artemova, O.Yu. (2000) V ocherednoy raz o teorii "rodovogo byta" i ob "avstraliyskoy kontroverze" [Once again about the theory of "tribal life" and the "Australian controversy"]. In: Popov, V.A. (ed.) *Rannie formy sotsial'noy organizatsii* [Early Forms of Social Organization]. Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS. pp. 25–50.
5. Artemova, O.Yu. (1998) Rod [Clan]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Narody i religii mira: Entsiklopediya* [Peoples and Religions of the World: Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 896–897.
6. Artemova, O.Yu. (2009) *Koleno Isava: okhotniki, sobirатели, rybolovy (Opyt izucheniya al'ternativnykh sotsial'nykh sistem)* [The Tribe of Esau: Hunters, gatherers, fishermen (Experience in the study of alternative social systems)]. Moscow: Smysl.
7. Engels, F. (1989) *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Translated from German. Moscow: Politizdat.
8. Korotayev, A.V. & Obolonkov, A.A. (1989) Rodovaya organizatsiya v sotsial'no-ekonomicheskoy strukture klassovykh obshchestv [Tribal Organization in the Socio-Economic Structure of Class Societies]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 36–45.
9. Semenov, Yu.I. (1993). Perekhod ot pervobytnogo obshchestva k klassovomu: puti i varianty razvitiya. Ch. I [Transition from primitive to class society: ways and options for development. Part I]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 52–70.
10. Popov, V.A. (2020) Kontsepty "rod" i "rodovaya organizatsiya": opyt pereosmysleniya definytsiy [The concepts of "clan" and "clan organization": the experience of rethinking definitions]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 3. pp. 230–242.
11. Khazanov, A.M. (2002) *Kochevniki i vneshniy mir* [Nomads and the Outside World]. Almaty: Dayk-Press.
12. Abramzon, S.M. (1951) Formy rodoplemennoy organizatsii u kochevnikov Sredney Azii [Forms of tribal organization among the nomads of Central Asia]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Rodovoe obshchestvo. Etnograficheskie materialy i issledovaniya* [Tribal Society. Ethnographic materials and research]. Vol. 14. Moscow: USSR AS. pp. 132–156.
13. Bacon, E.E. (1958) *Obok: a study of social structure in Eurasia*. New York: Wenner Gren Foundation for Anthropological Research.
14. Krader, L. (1963) *Social Organisation of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague: Mouton & Co.
15. Girenko, N.M. (2009) Ot istorii sobytiy k istorii struktur [From the history of events to the history of structures]. In: Misyugin, V.M. *Tri brata* [Three Brothers]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 20–33.

16. Korotaev, A.V. (1999) O sootnoshenii sistem terminov rodstva i tipov sotsial'nykh sistem: opyt kolichestvennogo kross-kul'turnogo analiza (k diskussii mezhdu N.M. Girenko i O.Yu. Artemovoy) [On the relationship between systems of kinship terms and types of social systems: an experience of quantitative cross-cultural analysis (to the discussion between N.M. Girenko and O.Yu. Artemova)]. In: Popov, V.A. (ed.) *Algebra rodstva* [The Algebra of Kinship]. Vol. 3. Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS. pp. 117–147.
17. Artemova, O.Yu. (1999) Lukavstvo ili samoobman? (O "lateral'nosti" scheta rodstva i o nekotorykh istoriko-sotsiologicheskikh rekonstruktsiyakh) [Guile or self-deception? (On the "laterality" of the kinship account and on some historical and sociological reconstructions)]. In: Popov, V.A. (ed.) *Algebra rodstva* [The Algebra of Kinship]. Vol. 3. Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS. pp. 21–81.
18. Girenko, N.M. (1999) Lateral'nost' i lineynost' kak differentsiruyushchie priznaki sotsial'nogo organizma rodstva [Laterality and linearity as differentiating features of the social organism of kinship]. In: Popov, V.A. (ed.) *Algebra rodstva* [The Algebra of Kinship]. Vol. 3. Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS. pp. 5–20.
19. Kullanda, S.V. (2014) Skifskie varny [Scythian varnas]. *Arkheologicheskie vesti*. 20. pp. 318–331.
20. Kullanda, S.V. (2018) *Proiskhozhdenie varn* [The Origin of Varnas]. Moscow: IOS RAS.
21. Herodotus. (1972) *Istoriya v devyati knigakh* [History in Nine Books]. Translated from Ancient Greek by G.A. Stratanovskiy. Leningrad: Nauka.
22. Latyshev, V.V. (1890) *Izvestiya drevnikh pisateley grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. Grecheskie pisateli* [Notes by Ancient Greek and Latin Writers about Scythia and the Caucasus. Greek writers]. Vol. 1-1. Saint Petersburg: IAS. pp. 539–563.
23. Khazanov, A.M. (1970) Materinskiy rod u sarmatov [Maternal genus among the Sarmatians]. *VDI*. 2. pp. 138–148.
24. Ivanchik, A.I. (2005) *Nakanune kolonizatsii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n.e. v antichnoy literaturnoy traditsii: fol'klor, literatura i istoriya* [On the Verge of Colonization. Northern Black Sea region and steppe nomads of the 8th–7th centuries BC in the ancient literary tradition: folklore, literature and history]. Berlin; Moscow: Paleograf.
25. Popov, V.A. (1981) Polovozrastnaya stratifikatsiya i vozrastnye klassy drevneakanskogo obshchestva (k postanovke problemy) [Sex and age stratification and age classes of the ancient Akan society (towards the problem)]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 89–97.
26. Latyshev, V.V. (1904) *Izvestiya drevnikh pisateley grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. Latinskii pisateli* [Notes by Ancient Greek and Latin Writers about Scythia and the Caucasus. Latin writers]. Vol 2-2. Saint Petersburg: IAS. pp. 201–214.
27. Vdovchenkov, E.V. (2013) Problema sushchestvovaniya muzhskikh soyuzov u sarmatov [The problem of the existence of male unions among the Sarmatians]. In: Popov, V.A. (ed.) *Rannie formy potestarnykh sistem* [Early forms of Potestary Systems]. Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS. pp. 182–201.
28. Vdovchenkov, E.V. (2019) Egalitarnye i ierarkhicheskie obshchestva rannikh nomadov stepnoy zony Evrazii i kongruentnye tipy voennoy organizatsii [Egalitarian and hierarchical societies of the early nomads of the steppe zone of Eurasia and congruent types of military organization]. *Novoe proshloe/The new past*. 4. pp. 8–26.
29. Medvedev, A.P. (2002) Razvitie ierarkhicheskikh struktur v obshchestvakh epokhi bronzy i rannego zheleznoogo veka yuga Vostochnoy Evropy (opyt diakhronnogo istoriko-arkheologicheskogo analiza) [The development of hierarchical structures in the societies of the Bronze Age and the Early Iron Age in the south of Eastern Europe (the experience of diachronic historical and archaeological analysis)]. In: Kradin, N.N. & Bondarenko, D.M. (eds) *Kochevaya al'ternativa sotsial'noy evolyutsii* [Nomadic Alternative to Social Evolution]. Moscow: IAS RAS. pp. 98–111.
30. Sinika, V. & Tel'nov, N. (2014) Miski iz skifskikh pogrebal'nykh pamyatnikov kontsa IV–II v. do n.e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Bowls from Scythian burial sites of the late 4th–2nd centuries BC on the left bank of the Lower Dniester]. *Tyragetia*. 1-8 (23). pp. 287–316.
31. Raevskiy, D.S. (1985) *Model' mira skifskoy kul'tury* [Model of the World of Scythian Culture]. Moscow: Nauka.
32. Mordvintseva, V.I. (1993) K probleme semeyno-rodovyykh otnosheniy u sarmatov (po materialam sarmatskikh pogrebeniy. poslednikh vekov do nashey ery) [To the problem of family and tribal relations among the Sarmatians (based on the materials of the Sarmatian burials of the last centuries BC)]. *Voprosy kraevedeniya: materialy kraevedcheskikh chteniy*. 2. pp. 31–34.
33. Keyser, C. et al. (2021) Genetic evidence suggests a sense of family, parity and conquest in the Xiongnu Iron Age nomads of Mongolia. *Hum Genet*. pp. 140, 349–359. DOI: 10.1007/s00439-020-02209-4
34. Pilipenko, A.S. et al. (2020) K voprosu o geneticheskom sostave sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzh'ya (dannye paleogenetiki) [On the question of the genetic composition of the Sarmatian population of the Lower Volga region (data of paleogenetics)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 4 (25). pp. 17–50.

Информация об авторе:

Вдовченков Е.В. – канд. ист. наук, зав. кафедрой археологии и истории древнего мира Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: evvdovchenkov@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Vdovchenkov, Cand. Sci. (History), head of the Department of Archaeology and History of the Ancient World, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: evvdovchenkov@sfedu.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 06.06.2022;
одобрена после рецензирования 06.08.2022; принята к публикации 31.08.2022.

The article was submitted 06.06.2022;
approved after reviewing 06.08.2022; accepted for publication 31.08.2022.